

Дискуссионная трибуна

Совокупная национальная мощь Китая: диалектика построения новой государственности

© 2016

В.И. Балакин

Формирование комплексной национальной мощи КНР нацелено на достижение государством статуса «сверхдержавы», которая могла бы определять новый миропорядок без оглядки на другие современные «центры силы». Диалектика построения новой китайской государственности в XXI в. представляет собой идеологическую базу для создания национальной мощи, которая должна стать стимулом развития страны. Китайская государственность, несмотря на продолжительные периоды революционных потрясений, демонстрирует удивительную устойчивость и непрерывное движение в направлении ускоренного роста совокупной национальной мощи.

Ключевые слова: Китай, совокупная национальная мощь, государственность, мировой порядок.

Государственность в Китае формировалась в течение тысячелетий в рамках собственной особой парадигмы, суть которой состояла в том, что любые законодательные заимствования по форме должны были быть наполнены глубоким национальным содержанием. Проект формирования комплексной национальной мощи КНР, безусловно, имеет своей целью достижение государством статуса сложившейся «сверхдержавы», которая могла бы определять новый миропорядок без оглядки на другие современные «центры силы». С точки зрения реальной геополитики абсолютно неважно, какие объективные критерии применяются к оценке совокупной национальной мощи Китая, главным является то, какое субъективное восприятие этой мощи присутствует в сознании основных китайских противников и конкурентов. От этого зависит оценка уровня реальной безопасности государств, соперничающих с КНР, их готовность идти на финансовые расходы, подкрепляющие данную безопасность на должном уровне. Определение этого должного уровня во многом диктуется субъективными представлениями высшего руководства соперничающих государств.

Диалектика построения новой китайской государственности в XXI веке представляет собой, по сути дела, идеологические параметры создания национальной мощи, которая, по мнению нынешнего руководства КНР, должна стать стимулом единения народа на основе интеграции властных институтов. В данном случае под внутренней интеграцией, а правильнее сказать, консолидацией понимается нематериальная составляющая нацио-

нального самосознания, когда ощущение наступления некоего нового этапа развития государственности заставляет правящую элиту предпринимать определенные и весьма активные усилия, которые объективно невозможно не предпринимать. У китайской стратегии консолидации есть вполне определенная цель, обозначенная как единение людей в рамках национальной государственности, их сплочения на уровне генетического выживания в интересах сохранения традиционного общества, готового противостоять разрушительному «цунами» нарастающего западного влияния. Существенным признаком того, что КНР встала на продолжительный путь глубоких перемен в осознании реальной необходимости построения новой государственности, стало полное отсутствие какой-либо жесткой реакции на заявления новых властей Тайваня относительно принципиального поворота к достижению реального и полного государственного суверенитета островной республики². Многие эксперты в связи с этим полагают, что китайские власти сегодня видят консолидацию национальной государственности не только и не столько в усилении военной компоненты, сколько в «социальной гармонии», диалектика которой состоит в конкуренции за право совершенствовать единое китайское государство и общество.

Совокупная национальная мощь в китайском обществе все более рассматривается в единстве природы и человека, то есть тех непреходящих ценностей, которые включают в себя веру в Абсолют, семью, культ предков, корпоративность, коллективизм, сложившиеся формы социальной иерархии. Последовательное раскрытие мировоззренческих принципов китайской государственности определено, как считают специалисты, неким гармоничным соразвитием высшего Абсолюта (чаще всего называется «Небо»), народа, придерживающегося устоявшихся традиций и соединяющего их некоего символа государственности (в имперский период истории эту функцию выполнял император — сын «Неба»). Понятно, что сегодня из-за формального отсутствия династического правления в Китае там существует и активно развивается модель государственности, соединяющая в себе: а) патриотизм, национальное достоинство, общественную собственность на ключевые сегменты национальной экономики; б) реалистичную оценку окружающей действительности; в) осознанное включение в глобальную конкуренцию; г) последовательное стремление «оседлать» крупные потоки свободного движения капиталов³. Руководство КНР заявляет, что оно, как никогда, сплочено единым пониманием цели формирования новой китайской государственности, ориентируется на формирование совокупной мощи страны, которая будет пользоваться всеобщим уважением и станет достаточной для обеспечения статуса Китая как одного из мировых лидеров. Высшим достижением к 100-летию Китайской Народной Республики (2049 г.) призвано стать превращение КНР в страну исключительной привлекательности, центр притяжения и поглощения мировой творческой энергии, созидания и сосредоточения глобальных финансов.

Китайская государственность всегда была «властечцентричной» в том смысле, что государственность рассматривалась как некий краеугольный камень мироздания Поднебесной. Государство в Китае издревле опирается на силу традиций, и эти традиции, как правило, оказывались выше всех экономических обусловленностей, социальных догм, природно-климатических факторов⁴. Срединная империя на всем протяжении своего становления терпеливо выжидала наступления периода «открывающихся стратегических возможностей», который будет основан на усилении внутренней интеграции и определении в результате новых внешнеполитических приоритетов. Главное направление использования подобного «периода возможностей» в Китае всегда видели в очередном укреплении национальной государственности. В глубинном понимании китайцев государственность продолжает оставаться непреходящей универсальной ценностью, пришедшей к ним из глубины веков и удерживающей страну в привычных цивилизационных пределах.

Формулируя новую государственность, руководство КНР настроено последовательно добиваться приобретения для Китая статуса великой державы, которая своим совокупным потенциалом сможет без прямой военной операции добиться воссоединения Тайваня с материком⁵. Это — классическая китайская модель решения вопросов укреп-

ления государственности через обеспечение национальной безопасности в ее цивилизационном понимании, суть которого состоит в адаптации имеющегося на данный момент передового зарубежного опыта и применения его на главных направлениях противостояния с противником. Особенностью подхода КНР к наращиванию национальной мощи является получение максимального экономического эффекта во внутренней политике за счет использования благоприятно складывающихся внешних факторов, когда потенциальные противники заняты борьбой между собой, что позволяет китайскому государству отражать попытки оказывать на него внешнее давление и предотвращает угрозы, ведущие к дезинтеграции страны, а также размыванию устоявшейся системы традиционных ценностей. Такая категория, как «сила согласованности» внутри- и внешнеполитических решений дает возможность китайскому государству оптимально отвечать на возникающие конфликты. Обеспечение полного национального суверенитета и государственной безопасности осуществляется не только через правительственные структуры, но и через авторитетные организации вне данных структур и, как показывает реальная практика, неофициальные авторитеты зачастую обладают определяющим влиянием, поскольку поддерживаются высшим руководством Китая.

Китайское правительство, последовательно наращивая собственную совокупную национальную мощь, даже при самых жестких внешнеполитических трениях старается урегулировать их мирным путем и пытается состыковать свои внешнеполитические интересы, стремясь к обоюдной выгоде в отношениях с партнерами. Твердый курс КНР на отказ от военно-политических союзов с какими бы то ни было великими державами или группами государств позволяет Пекину добиваться максимума возможного в отношениях с дружественными партнерами в «третьем мире» и извлекать из этого значительную выгоду для своего экономического роста. Вкладывая значительные усилия в построение мощного национального государства, Китай не позволяет себе руководствоваться какими-то идеализированными или просто надуманными представлениями о характере современного глобального развития. Наблюдая со стороны новые политические веяния, Пекин тем не менее всегда руководствуется никем еще не опровергнутым тезисом о том, что миром правит сила, включающая в себя в качестве главного компонента военную мощь государства. Это — объективный императив современности, и он может быть реализован, как считают в КНР, лишь за счет создания постоянно совершенствующейся традиционной государственности, опирающейся на национальный эгоизм, а не на прекраснотушный альтруизм⁶.

В традиционной китайской философии есть «учение о гармонии», суть которого ассоциируется с состоянием взаимодействия и взаимосочетания элементов всех вещей и явлений, понимаемых как органическое единство человека, общества и государства. Китайские традиционные представления о государственности проецируются на современные реалии развития общества в КНР и приобретают форму официальной идеологии построения нации с высоким совокупным потенциалом, ориентированным на устойчивое внутреннее развитие и внешнюю стратегическую безопасность. Одним из таких традиционных представлений в Китае считается «метод гармонии», который есть не что иное как метод глубокого теоретического понимания государственности, когда ее составляющие развиваются, не нанося ущерба друг другу и постоянно взаимодействуя друг с другом без какого-либо взаимного отторжения. Государственность в китайском понимании — это формат, в котором происходит диалектическое разрешение противоречий: между реальным уровнем экономического развития и реальным балансом общественных интересов, между объективным ростом городского населения и сохранением деревенского уклада как гарантии сохранения национальных традиций. Совокупная государственность представляет собой некий набор конфуцианских ценностей, а именно: поддержание множественности в единстве, сбалансированность силы и нейтрализация вражды через взаимопроницающую интеграцию традиционных интересов⁷.

Традиционализм государственности является гарантией сохранения и даже выживания нации, если нация стремится остаться в истории, и здесь совокупная нацио-

нальная мощь представляется не более чем залогом устойчивости традиционной государственности. Китайское руководство осознает, что бросило вызов сложившемуся мировому порядку и что этим поставлена под сомнение сложившаяся после Второй мировой войны система взаимозависимостей, прежде всего в финансовой сфере, которая практически полностью находится под контролем США. В этих условиях Пекину сложно рассчитывать на партнерство со всеми другими «центрами силы», включая Россию, поскольку, как показывает практика, между государствами-цивилизациями временно совпадают лишь тактические цели, а вот глобальное будущее видится совершенно разным. И это надо воспринимать как объективную реальность, что КНР, собственно говоря, и делает, разрабатывая и предлагая всеобщему вниманию проекты континентального масштаба, которые со всей очевидностью не могут быть реализованы без активного участия Китая, а в действительности — без мощного китайского потенциала, подкрепленного устойчивой традиционной государственностью⁸. Итак, китайская государственность сегодня стала фактором глобальной политики практически для всех крупных стран, ибо она проявляет высокий динамизм саморазвития и оказывает существенное влияние на все сложившиеся организации типа ООН и новые международные структуры XXI века, такие как ШОС, БРИКС и G20.

Проблема построения новой государственности всерьез озаботила нынешнее китайское руководство, которое, вплотную столкнувшись с многочисленными трудностями в процессе переустройства всей системы власти внутри страны, вынуждено было искать иные варианты обеспечения «общественной гармонии», основываясь на ценностях реального обладания совокупной национальной мощью, позволяющей государству чувствовать себя уверенно и безопасно в условиях непрекращающихся кризисных явлений, охвативших практически весь мир. Неустойчивость глобальной ситуации вынуждает Китай делать ставку на использование противоречий между ведущими «центрами силы» в современной системе международных отношений, а это дает Пекину возможность играть более весомую роль, несмотря на пока еще серьезный недостаток адекватного силового потенциала, позволяющего решать на равных острые вопросы с общепризнанными великими державами, к которым в КНР сегодня относят лишь США и Россию. В конкуренции с названными державами Китай в свойственной ему традиционной манере выбрал себе в партнеры «более слабого», то есть Российскую Федерацию, руководствуясь при этом надеждой превратить Москву в некую «заложницу» своего соперничества с Вашингтоном⁹. И хотя китайское руководство продолжает утверждать, что не стремится стать сверхдержавой, однако по факту эволюция государственности в КНР развивается именно в направлении создания мощного современного государства глобального уровня. Цель формирования такого государства открыто не провозглашается, но изучающим Китай абсолютно ясно, что это будет держава, создающая «новый мировой порядок» и стремящаяся стать основным ядром сплочения и расширения международного фронта борьбы против гегемонии «Большой семерки» в мире.

Внешне это напоминает геополитику Пекина, нацеленную на создание своей собственной версии глобализации, принципиально отличной от той, которой сегодня управляют Соединенные Штаты Америки. Вашингтон выстроил свое мировое господство на основе обеспечения всеми возможными способами (включая военные) приоритета доллара в качестве главной мировой резервной валюты, но в планах США никогда не звучала идея формирования глобальной государственности, а это коренным образом отличается от точки зрения КНР на развитие мировых процессов, не исключая некие варианты «вселенской государственности»¹⁰. Иными словами, это — государственность, находящаяся в развитии, когда ее качественное состояние характеризуется такими факторами, как состояние мирового сообщества, специфика исторического развития каждого национального государства, наличие сложившихся форм государственного управления. Под государственностью в современном Китае, как правило, понимается особая форма организации общества, включающая в себя синергию национальных и наднациональных государственно-правовых явлений, организационную структуру мирового сообщества,

государственно-правовые институты, наднациональную государственную идею, выполняющую интеграционную мобилизационную функцию. Наднациональная идея государственности представляет собой систему санкционированных национальными государствами представлений об идеалах и долговременных целях развития мирового сообщества, которая формирует единую символическую универсальность, перерастающую в глобальный нормативно-ценностный порядок.

Совокупная национальная мощь Китая, генерируемая идеей глобальной государственности, придает внутрикитайский легитимный характер представлениям элиты КНР, старающимся опираться на сохранение внутривластного единства и социального порядка в качестве альтернативы сепаратизму и хаосу¹¹. Вселенская идея государственности изначально была присуща китайской правовой традиции, она и сегодня устанавливает единый нормативно-ценностный порядок и выступает весьма специфической формой объективного выражения национально-этнической и социокультурной глобальной интеграции зарубежных китайских общин. Политика «жесткой силы» в мировых делах пока выглядит для Китая лишь как средство скрыть свою уязвимость с точки зрения претензий на новую глобальную роль. Тем не менее, Пекину удалось к сегодняшнему дню провести «черновую работу» по формированию новой государственности, отвечающей современным геополитическим вызовам. Судя по всему, китайское руководство, создавая новую государственность, нацелилось отойти от прежних геополитических идей мирного сосуществования с приграничными странами и акцентировать внимание на адекватной ситуационной реакции в отношении изменений, происходящих в настоящее время в международной правовой архитектонике.

Диалектика новой китайской государственности имеет достаточно специфический характер и опирается в своей основе на «мягкую силу», включающую культурную составляющую и ставящую своей главной целью обеспечение стабильного и устойчивого доступа к международным экспортным рынкам. КНР никогда открыто не провозглашала свое желание стать великой державой, поскольку данный статус не только дает стратегические преимущества, но и часто влечет за собой не всегда предсказуемую ответственность, снять с себя которую при резко меняющихся обстоятельствах иногда стоит больших моральных и финансовых усилий. Альтернативный выбор также не всегда четко просчитывается в подобных ситуациях, что приводит к потерям в темпах развития и почти во всех без исключения случаях лишает государство возможности вовремя отступить назад и выйти из геополитической игры. Тайваньская проблема как раз из этого ряда диалектических противоречий, и суть вопроса на сегодняшний день сводится к почти тупиковой ситуации, когда Пекину нельзя портить отношения с «коллективным Западом», а Тайбэю после смены власти на острове очень соблазнительно продвигать в мировое общественное мнение идею суверенной тайваньской государственности. Такой геополитический расклад оборачивается для Китая в принципе не решаемой дилеммой, а именно: увеличение китайских вложений в свою совокупную национальную мощь провоцирует все большее стремление Тайваня к полной независимости, а это означает, что финансовые затраты Пекина не только не ведут к окончательному формированию единой китайской государственности, но, напротив, стимулируют Тайбэй к ускоренному продвижению в направлении своего реального суверенитета¹².

Не обозначая своей геополитической целью достижение статуса великой державы, китайское руководство, тем не менее, достаточно часто провозглашает тезис о стремлении КНР в XXI веке обрести достаточную совокупную национальную мощь, чтобы стать сильной, развитой, единой державой, занимающей доминирующее положение в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Защита государственной целостности Китая является «альфой и омегой» китайской геополитики. Под этим понимается не только безусловное воссоединение с Тайванем, но и формирование «зон ответственности» КНР, то есть Китай готов рассматривать «зону своей ответственности» как «ареал» своего геополитического влияния и контроля. Все чаще в китайском экспертном сообществе такой «зоной ответственности» называется Восточная Азия, что явно связано с заявлениями Вашинг-

тона о смещении фокуса американской внешней политики в АТР. В Пекине полагают, что пришло время дать ясное, четкое разграничение «зон ответственности» КНР и США, так как Китай заинтересован прежде всего в Восточно-Азиатском регионе, а США рассчитывают стать доминирующей силой в АТР¹³. Американская администрация, наблюдая рост могущества Китая, пытается выстроить долгосрочную стратегию сдерживания КНР, однако пока не понятно, как это сделать, поскольку адекватно не осознан сам феномен «китайской угрозы».

По всему видно, что китайская государственность продолжает оставаться terra incognita для властей США, поскольку не в американской традиции обращаться к глубинному пониманию политических аспектов жизнедеятельности Китая. Китайская государственность, несмотря на продолжительные периоды революционных потрясений, демонстрирует удивительную устойчивость и в настоящее время развивается в направлении ускоренного роста совокупной национальной мощи. Этот тренд определяет и внешнюю политику КНР, демонстрируя стабильность базовых принципов китайской власти в сочетании с ее уникальной адаптацией к новым современным вызовам, одновременно в значительной мере выполняя мировоззренческую функцию для будущих глобальных программ¹⁴. Российская идея широкой евразийской интеграции от Лиссабона до Владивостока не оставила Пекин равнодушным и побудила его вплотную заняться всеобъемлющей концепцией Шелкового пути. Как представляется, дело идет к тому, что в недалекой перспективе будет создана авторитетная рабочая группа экспертов из Китая, Евразийского экономического союза и Европейского союза, которая начнет разрабатывать поэтапный план реализации инфраструктурных программ континентального масштаба.

1. *Shahar Hameiri, Lee Jones*. Governing Borderless Threats Non-Traditional Security and the Politics of State Transformation. London, 2015. P. 24.
2. *Chen Lung-chu*. The Evolution of Taiwan Statehood. London: Oxford University Press. 2015. P. 3.
3. *Guo Sujian, Blanchard J-M*. "Harmonious World" and China's New Foreign Policy. London, 2008. P. 125.
4. *Gelhar M*. Chinas Städte – zwischen Tradition und Postmoderne. Neugründungen: DierkeWeltatlas Magazin, 2012. S. 8.
5. *Нисида Ёсихиро*. Тюгоку но дайто-о мэгуро сёмондай / Рэфэрэнсу : [Проблемы вокруг китайского лидерства]. Токио: Бэй дайгаку сюппан, 2006. С. 7.
6. *Цань То*. Хэсюэ шиэ юй Чжунго дуйвай чжанлюэ : [Гармоничный мир и китайская внешняя стратегия]. Харбин, 2012. С. 81.
7. *Чжан Ливэнь*. Гуанюй сехэдэ гоцзяшэнцунь : [О гармоничной государственности] // Чжунго жэньминь дасюэ юэбао. 2002. № 3. С. 22–27.
8. *Holenstein M*. «Chinesische Values» Hypothese // Zürich Universität Verlag. 2011. S. 15.
9. *Noesselt N*. Wie wird in China regiert ? // Internationale Politik. 2015. № 4. S. 114–119.
10. *Иногуми Такаси*. «Сэйки но коккатайсэй» ни тай суру Нихон но гёман : [Японские амбиции по поводу «нормальной государственности»]. Токио, 2016. С. 12.
11. *Чжан Учан*. Гоцзя лилунь: Шэмо ши гоцзя?: [Теория государства: что есть государство?]. Шанхай, 2013. С. 15.
12. *Chiang Y. F*. State, Sovereignty, and Taiwan // Fordham International Law Journal. 1999. V. 23. № 4. URL: <http://ir.lawnet.fordham.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1687&context=ilj>.
13. *Gersham J*. Is Southeast Asia the second front? // Foreign Affairs. 2002. V. 81. № 4. P. 60–74.
14. *Hamashita T*. Changing Region and China: Historical Perspectives // China Report. 2001. V. 37. № 3.